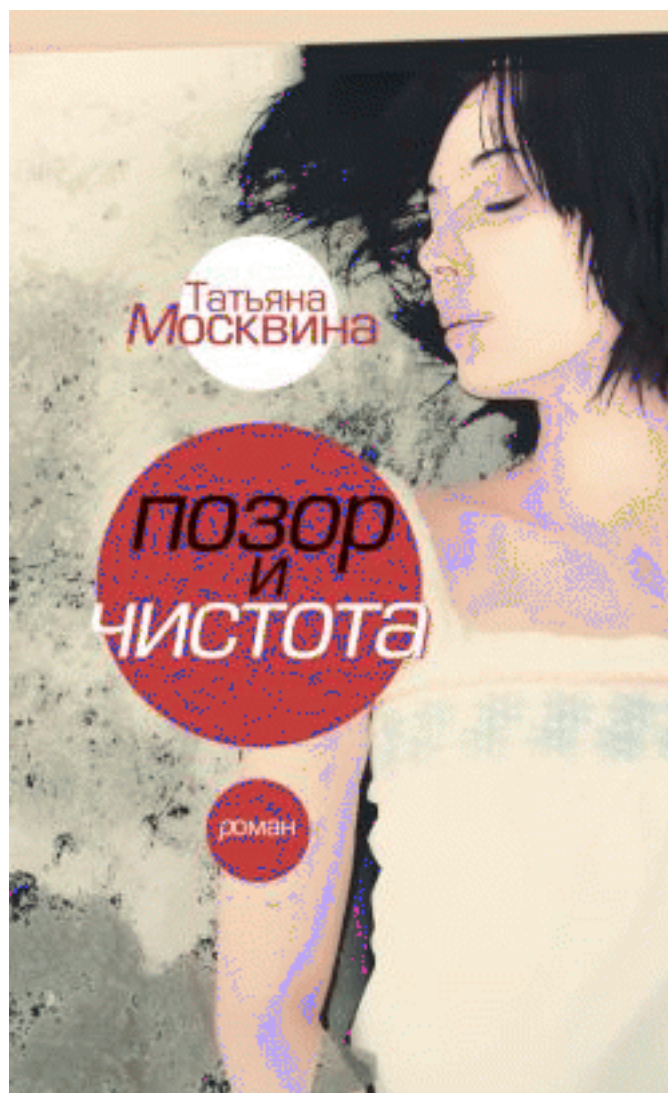

Татьяна Москвина Позор и чистота

Москвина Т. Позор и чистота: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062585-7, 978-5-271-25695-0

Аннотация

Татьяна Москвина – известный театральный и кинокритик, сценарист, прозаик, финалист премии «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР».

В ее новом романе «Позор и чистота» сталкиваются юная фолк-певица Эгле, известный в восьмидесятых бард, актер-звезда сериалов и ушлая красотка из Парижа, готовая на всё ради счастья дочери... Зачем люди ищут известности, отвергая спокойствие и уют личной жизни? Деньги или счастье – ради чего стоит терпеть страдания и позор? И где она – настоящая чистота?

Содержание

1. «Ветер свистит атональный мотив»	3
Глава первая,	3
Глава вторая,	9
Глава третья,	14
2. «Ветер назойлив»	19
Глава четвертая,	19
Глава пятая,	24
Глава шестая,	29
3. «Ветер игрив»	33
Глава седьмая,	33
Глава восьмая,	38
Глава девятая,	42
4. «Он целует меня»	47
Глава десятая:	47
Глава одиннадцатая,	52
Глава двенадцатая,	56
5. «Он кусает меня»	60
Глава тринадцатая,	60
Глава четырнадцатая,	64
Глава пятнадцатая,	69
6. «А тем, кто сам добровольно падает в ад, добрые ангелы не причинят...»	73
Глава шестнадцатая,	73
Глава семнадцатая:	77
Глава восемнадцатая,	82
7. «...добрые ангелы не причинят никакого вреда»	87
Глава девятнадцатая,	87
Глава двадцатая,	91
Глава двадцать первая,	95
8. «Никогда, никогда»	99
Глава двадцать вторая,	99
Глава двадцать третья,	104
Глава двадцать четвертая,	108
9. «Никакого вреда»	112
Глава двадцать пятая,	112
Глава двадцать шестая,	116
Глава двадцать седьмая:	120
10. «Никогда»	124
Глава двадцать восьмая:	124
Глава двадцать девятая,	129
Глава тридцатая,	133

Татьяна Москвина

Позор и чистота

Народная драма в тридцати главах

Читать он не любил: серьезных книг – потому, что многого в них не понимал, романов – потому, что одни были слишком похожи на жизнь и печальны, как и она, другие же были лживы и неправдоподобны, как его мечты.

Леонид Андреев. Рассказ о Сергее Петровиче

*Ветер свистит атональный мотив
Ветер назоилв
Ветер игрив
Он целует меня
Он кусает меня
А тем кто сам добровольно
Падает в ад
Добрые ангелы не причинят
Никакого вреда
Никогда никогда
Никакого вреда
Никогда*

«Нисхождение». Группа «Агата Кристи»

Татьяна Москвина просит прощения у всех, чьи тексты песен она беззастенчиво использовала в своем произведении с чисто художественной целью – для создания обобщенных характеров и атмосферы времени... Любой автор, опознавший цитату из своей песни, имеет право на бесплатный экземпляр этой книги с автографом!

1. «Ветер свистит атональный мотив»

Глава первая, в которой Блёклый воин принимает у себя Королеву Ужей

– Есть ли на свете вещь более хрупкая, чем держатель для туалетной бумаги!

Она вышла из уборной, хитренько улыбаясь пленительно вздернутыми углами тонких губ, не знающих помады. Никогда не красила. Отметала все обычно-женское. Это изумляло, сводило с ума: неженственная красавица! Ведь красавица?

Андрей уже и сам не знал, красива ли его Эгле, его *Эгле, Королева Ужей* (ах вот один уж уже заполз к нам в строчку, прямо после имени героя, брысь, кшш, пошел вон!) – если смотришь в лицо человека каждый день два года и не можешь не смотреть в его лицо каждый день два года (сегодня исполнилось), тут не до красоты.

Они виделись каждый день? Они супруги, они любовники?

Нет, нет. Они не виделись каждый день. Как любила повторять Эгле, «я даже сама себя не могу видеть каждый день». У него был изрядный запас ее фотографий, ее плакатов, и, когда влюбленная душа начинала плакать от голода и требовать пищи, он подолгу, до одури всматривался в них.

Это странное занятие. Если пристально смотреть в световой отпечаток лица, начинает клубиться белесый туман, лицо словно оживает, начинает меняться, как будто хочет что-то сказать. Можно взвинтить себя до такой степени, что и впрямь услышишь желанный голос. Андрей слышал.

– Ты, как всегда, права. Проклятый держатель отвалился сразу после ремонта. Недели три прошло.

– Ха, ты думаешь, ты один такой? Истинное обобщение возникает из опыта.

– Чувствуется бывшая студентка философского.

– Два года, меж-прочим!

Она уселась на «венский» стул – вместе с этажеркой это были единственные вещи, которые мама разрешила ему увезти из родительского дома, да и то верно, зачем молодому человеку старая мебель – и вздохнула, глядя на сервированный столик.

– Времин. Ну когда ты избавишься от пошлятины. Шампанское и фрукты! Как будто звал девушку из автобуса типа «кофе попить, музыку послушать».

– А что нужно? Абсент и конскую колбасу?

– Хотя бы. Или борщ и водку.

Она пила водку, надрывая его сердце. Курила черные вонючие сигариллы. На сцену выскакивала босиком, в джинсах и кожаной куртке, надетой на торс, едва прикрытый крошечным топиком. Эг-ле! Эг-ле! Реветь стали недавно, года три, когда королева Эгле и ее «Ужи» резко пошли вверх. Уже (опять пробрался, настырный змей!) развязные корреспонденты бумажной прессы начали потихоньку и, что приятней всего, бесплатно интересоваться, откуда взялось название и что руководительница группы предпочитает носить и есть. Уже (нет, прекращаю бесполезную борьбу – они победили и теперь будут гулять по тексту невозбранно) вышли два альбома, «Лесная» и «Утра нет», и в ленивом русском Солярисе (другое название – «публика») завелись очажки возбуждения: кто-то пришел.

Только солнце взойдет – вот и я...

Времин, такая фамилия, прадед из деревни Времино. Был там: реально Псковская область, и среди вполне классических именованных вроде Гнилище и Бздюхи вдруг обманчиво-интеллигентные Домкино и Времино.

Это было тем более забавно, что своего времени Андрей не любил. Точнее сказать, не любил его кодекса, того набора гримас, который люди и называют «нашим временем».

– Чайку завари и поставь старье какое-нибудь. Бьорк, что ли.

Разлеглась на складном диванчике (специально сложил и даже подушек зачехленных навалил, чтоб не подумала, не отстранилась брезгливо, как всегда, когда возникали поползновения, намеки) – любые ее позы были прекрасны. Как у животных. Если так бывает у людей, их называют грациозными. Но таких до уж-жаса мало...

Только солнце взойдет – вот и я
Стану вмиг фиолетово-черным

– Вчера приходила девушка Майя из «Экспресс-Инфо» и спрашивала, почему я называюсь Эгле, Королева Ужей.

– Ты каждый раз, я заметил, рассказываешь по-другому.

– Вот я и рассказала, что, значит, на берегу лесного озера...

– Все-таки продолжаем литовскую легенду?

– Лесного озера. Продолжаем. Я сказала, что есть две версии этой истории. Одна трагическая и депрессивная. Ну, про то, как Уж, то есть сам Король Ужей, заполз Эгле в рубашку, как она обещала выйти за него замуж и реально вышла, родила трех киндеров, а потом вернулась к родным, а те мужа-Ужа зарубили, и девушка наша от горя превратилась в елку, уа-уа. Эта версия сомнительная...

– Почему?

– Ну ладно, Времин. Ты что, не понимаешь, кто такой этот муж-Уж? Не узнал, что ли? Не он ли кое-что посоветовал нашей прааматери Еве? На данном этапе жизнёнки мне ни к чему афишировать такие связи... Итак. Я сказала, что есть другая версия сказки, бодрая и освежающая. Дочь лесника Эгле любила играть на дудочке...

– Фольклору неизвестны девушки, играющие на дудочке.

– Мужественно преодолевая агрессию самца приматов, продолжаю. Дудочку Эгле любили слушать все лесные обитатели, но особенно – ужи. Однажды на избушку напали разбойники...

– Главное, какого лешего эта Эгле, вместо того чтобы доить коров и варить сыр, играла на дудочке?

– Она готовилась к дню Икс. Когда отечеству остро понадобится девушка, играющая на дудочке, – дабы защитить девушек, доящих коров. Итак, разбойники сожгли избушку, зарубили отца и погнались за Эгле. И тут она достает дудочку...

– А разбойники не знали, что ужи безвредны?

– Так ужи были только в первых рядах, для ужаса. Психическая атака! А за ними, короче, шли грозные медведи и свирепые кабаны, злые волки и мм... нервные рыси... Да ну тебя, *Блёлкый воин!* Никакой фантазии...

«Блёлкый воин». Обидновато, а точно. Андрей был белесый, светловолосый с рыжиной, белая кожа с веснушками, небольшая бородка с усами, серые глаза с медными искорками. При этом крепкий, широкоплечий, сильные руки. Он был вегетарианец и бегал для здоровья каждое утро. Так, во время бега, два года назад и увидел афишку с лицом Эгле. Двадцать восьмое августа. Да. Двадцать восьмое августа, а концерт был второго сентября.

Он выбежал тогда из парка мимо кинотеатра «Ленинград» на Новопесчаную улицу, там и увидел. А если бы не бегал, вряд ли... Так самое здоровое занятие на свете (бег) привело его к самому нездоровому (л .....).

.....
Внимание! Внимание! Вам предлагается бонус к роману Татьяны Москвиной «Позор и чистота»!

В каждой главе вы найдете «Рассказы и речи Нины Родинки», написанные лично самим автором в процессе создания романа.

Читайте прямо сейчас!

Нина Родинка рассказывает о себе:

– Мне пятьдесят два года, у меня трое детей от разных отцов, я зарабатываю на жизнь сочинением сценариев для телесериалов и я – тот самый человек, которому на Руси жить хорошо.

Не могу сказать, что я люблю родину. Страны бывают мужские и женские, наша абсолютно женская, так что любить родину-женщину женщиной – это дорогостоящее извращение. Любить родину-женщину должны мужчины непрерывным ударным трудом. А с нас вполне достаточно, что мы тут живем и не рыпаемся.

Есть люди, которые ничего не знают и ничего не помнят. Это счастливы. Есть люди, которые мало знают, но много помнят, – таковы архаические народы. Наши люди другие, они много что знают, но мало что помнят. Но это их не устраивает. В своих мечтах они хотели бы вообще ничего не помнить. Огромной популярностью пользуются у нас сериалы, где героев постигла полная амнезия.

Я использовала эту мечту в сериале «Пропавшая семья». Там сброшенная злодеями со скалы жена, начисто утратив память, поселяется в хижине одинокого сурового рыбака. Отправившегося на ее поиски и шандарахнутого по ошибке мужа, тоже утратившего память, судьба забрасывает на полустанок, где он находит приют в домике путевой обходчицы и с неослабевающим интересом разглядывает проходящие поезда, сидя у палисадника с георгинами.

Но тут на поиски родителей отправляется отважная дочь. Попав в автомобильную аварию, она с диагнозом «амнезия» оказывается в районной больнице, где ее находят с целью удочерения приемные родители.

Все эти горемыки, иногда как будто что-то вспоминая, ищут друг друга, драматически обрастая по ходу сюжета новыми спутниками жизни.

Сериал имел бешеный успех! Ведь русские и сами такие шандарахнутые, начавшие новую жизнь с исторического нуля и героически пытающиеся что-то вспомнить из прошлой жизни. То царская семья всплывет, то вдруг бесплатная медицина и кружки авиамоделирования эры социализма – но все в дымке, все в дымке...

Я отношусь к людям с четким профессиональным вниманием и приветствую их существование – как это делают водители маршрутных автобусов, для которых каждый человек у дороги заключает в себе потенциальный рублик. Человек – это единственный известный в природе переносчик денег.

Как рыбаки живут морем, а пахари землей, так я живу людьми, человеческой массой. Я ее нутром чувствую.

Воспитывать массы? Ну, это не ко мне, это к фюреру...

Продолжение рассказов Нины Родинки читайте в следующей главе!

.....

– Мне больше нравится тот вариант, когда бедную принцессу Эгле злой отчим привязал в лесу на лютую смерть.

– Да, и она от страха пела, пела.

И лес шумел, и ее услышал старый заяц и привел к Эгле зверей, но это все в альбоме, так чего спрашивать по сто раз. Не могу молотить одно и то же.

Страшно лесной – пой, пой
Голод весной – пой, пой
В этом зверином краю надо посметь
петь

На концертах ее глаза отделялись от тела, размножались и плавали в дыму перед каждым зрителем отдельно. Ярко-зеленые глаза кикиморы, лешачихи, рысьего оборотня. (У нее было расщепленное, рокошущее «р».) Глаза попали в его душу, как разрывная пуля. Он понимал жалкий комизм своего положения – стать девчонкой, бегающей за певцом, пере-

вертышем-анекдотом! Он, здоровый самостоятельный мужчина двадцати восьми лет, оказался такой девчонкой. А его кумир, девушка-юноша, ангел-животное, был в натуральном соответствии со своей миссией – недоступен.

Под березкой белой
Чертик норку рыл
Злобный русский ангел
Взял да укусил

Он многого достиг за два года, осторожно ступая шаг за шагом. Его птица отлично знала все повадки охотников. Впрочем, в том плебейском мире, в котором по воле рока жили Блёклый воин и Королева Ужей, мужчины редко хитрили с маскировкой, но били прямо и грубо. Собственно говоря, дичь сама кидалась под ноги, страдая избытком.

Он сумел отчасти приручить ее – Эгле разрешала ему находиться за кулисами во время концертов, разговаривать с ней, водить ее в рестораны, прогуливаться по городу, иногда позволяла заходить в гости. Он мог держать Королеву Ужей за руку, целовать в щеку при встрече. Он был одним из самых приближенных к ней мужчин – целая карьера! Всего-то за два года. Он хвалил себя за хитроумие и терпеливость. Сегодня она впервые зашла к нему в квартирку на Песчаном переулке, сияющую нарочитой, маниакальной чистотой. Это позабавило Королеву, бестолковую и анархичную в быту.

– Дай пепельницу.

– Эгле, – сказал он, протягивая раковинку, для нее и куплено, он не курил, – сегодня двадцать восьмое августа.

– Что так торжественно? У тебя дэ эр?

Коротко стриглась, но оставляла длинную прореженную челку и щегольские височки. Глядела сквозь русые пряди как зверинка из травы.

– Нет, дэ эр у меня двадцатого сентября.

– Запомним.

– У меня маленький юбилей – два года назад... это было. Вот... я утром бегал и... увидел твою афишу.

– Два года назад? Где ж это я. А, в Электротехниках. Это когда Сайра надралась и башкой об клавиши брякнулась? Ничего получился звук, я даже решила закрепить.

Сайра (клавиши), Мойва (бас-гитара) и Горбуша (ударные) были прозвищами участниц ее девичьей команды. Еще до Эгле играли в группе «Живая рыба». Но их фронтвумен, рыжая наркоша Форель, была, как воскликнул поэт, прекрасна без извилин, а потому, когда новоявленной Эгле пришлось обращать рыб в ужей, трупик Форели уже достиг стадии скелетирования.

– Не знаю, почему именно сегодня, но я вот решил... я решил сказать. Я, знаешь, загадал – если придешь, скажу. А ты вот пришла...

Бывают чувства естественные, а бывают сверхъестественные: такова надежда. Каким чудом проникла и обосновалась надежда в душе Андрея Времина? Но у такого чудовища, каковым, без сомнения, является л... , есть своеобразная палаческая этика – перед самыми жестокими и кровавыми своими операциями она дает пациенту что-то вроде анестезии.

И вообще, герой должен совершать поступки.

Он зажмурился от страха. Не мог видеть ее лица сейчас.

– Эгле, выходи за меня замуж. То есть... будь моей женой.

Несколько секунд было совсем тихо. Он открыл глаза.

Эгле сидела, широко расставив ноги, опершись руками о колени. Смотрела на него ласково, без раздражения, потом встала и приобняла героя, взъерошив ему белесые волосы.

– Времин, не мучай себя. Я ни за тебя, ни за кого не собираюсь выходить замуж. Дико даже слышать вообще. Я всерьез тебе говорю, я реально не человек. И потом: я тебя боюсь. Ты страшный. Эта твоя теория чистоты... Чистота спасет мир! Ты еретик... Маньяк вообще. Времин... Ты милый, ты умница, ты мой лучший друг, и мы все эти глупости насчет втыкания одних частей тела в другие части тела спокойно забудем. Тем более про кастрюльки общие. Ужасно неинтересно! И что вдруг? Так хорошо было. Я чуть не заснула у тебя на диванчике... А ты тут со своей агрессией. Ну посмотри на меня. Где ты таких жен видел? А? «Как просто, – подумал Времин. – Чего я боялся? Вот и все. Вот и конец...»
...Но далеко было до конца.

Глава вторая, в которой автор продолжит знакомить читателя с героем, а Катаржина Грыбска, по прозвищу Карантина, начнет приближаться к России, чтобы стать еще одной героиней рассказа

Отец Андрея, врач-эндокринолог Илья Времин, сочетался вторым браком с медсестрой Аллой, прелестной провинциалочкой из города Бологое, и жил порядочной трудовой жизнью в скромном социалистическом уюте. Человек он был скучноватый, инертный и порядочный – даже с бездетной первой женой не стал разводиться. Сама умерла.

Зимой 1992 года, когда социализм в России опочил без лавров, папе было пятьдесят пять лет, маме тридцать девять, Андрею тринадцать. С такими цифрами стартовать в новую жизнь семье было трудно.

Папа искренне считал, что большинство россиян тяжело больны именно по его части, и все реформы приписывал на счет дисфункции желез внутренней секреции. Съезды народных депутатов он смотрел сокрушенно, бормоча: «Поджелудочная ни к черту... гипотиреоз... проверить гипофиз...» – и проникательно утверждая, что немотивированная агрессия времени перемен сменится упадком сил и депрессией. «Новая жизнь... – удрученно приговаривал Илья Федорович, – опять двадцать пять новая жизнь... Больные люди! Больные люди!»

У мамы социальные катаклизмы включили бывший в режиме ожидания женский механизм выживания в экстремальных условиях. Она сделалась, в противовес угрюмому отцу, экзальтированно-деловитой, старательно добывала пищу и приработки. Правда, у нее завелась странная манера сопровождать рядовые бытовые действия какими-то почти рекламными выкриками. «Вот я сейчас пойду чайник поставлю! – восклицала мама. – Вот я поставила. Сейчас попьем чайку». «Надо мне постирать! – провозглашала она, и вскоре из кухни доносилось: – Вот первую порцию загрузила! Хорошо, что мы тогда купили нашу Вятку-автомат!»

Наверное, мама на свой лад боролась с безумием жизни.

Андрей, рожденный в СССР и все-таки успевший побыть в октябрятах и пионерах, доучивался в другой стране. Но мы не так зависим от социального строя, как от нескольких близких людей.

Озадаченные новой жизнью родители проморгали психоз у сына.

Однажды обожаемый друг Лешка бросил его вечером в парке Сокольники на растерзание шпане и удрал – и настойчивая, острая мысль пронзила все существо Андрея.

Лешка был добрый, веселый мальчик, хороший друг. Но вот же он бросил его в трудную минуту. Разве можно считать этого Лешку по-прежнему добрым, по-прежнему хорошим?

А разве вообще о человеке можно утверждать что-то определенное?

Лешка низкорослый, с толстым носом. Но он может за год вырасти, а нос нетрудно прооперировать. И вот наш, известный нам Лешка исчезает, и появляется другой человек.

Но так может быть со всеми! С любым, с каждым! Вот растет береза – и она всегда будет березой, пока не умрет. Бежит собака – и она всегда будет собой. А человек не держит форму. Про него ничего нельзя сказать наверняка.

Нет ничего настоящего, прочного! Герой, спасший красавицу, медленно поворачивается к зрителю, улыбается и обнажает белые, звериные клыки.

Ужас бил мальчика током. Он пристрастился к фильмам, где люди превращались в чудовищ, – готовился к взрослой жизни. Но для себя решил твердо: он будет таким, каким выбрал быть, и он будет таким всегда.

Без подлых превращений.

На него всегда можно будет положиться. Он не бросит друга, не предаст любимую. Он не растолстеет, будет стройным, легким, но крепким. Он выберет сам себя и будет верен сам себе!

Но из великого множества свойств не так-то просто выбрать подходящий набор. Решил быть молчаливым, а тянет вдруг поговорить. Решил не курить – а в компании, за школой, на пустыре так в кайф затянуться едким бодрящим дымком. А что делать по утрам с торчащим как подосиновик из мха дружком? Андрей понимал, что неизбежно превращается, помимо воли. Но и в этом диком, зыбком, трагическом подростковом состоянии держал героическое сопротивление.

«Парень-то у тебя, Илюша, богатырь», – сказал как-то дядька-Валерка, младший брат Ильи Федоровича, сильно пьющий, патологически обаятельный автор-исполнитель песен под гитару. Пел он в основном про моря и про пиратов.

«Да, учится хорошо и матери помогает. Только молчун: себе на уме».

А как было не молчать, когда папа, к отчаянию Андрея, превращался – бросил работу, стал попивать, орать на маму, поседел, опустился. К дядьке-Валерке претензий не было: он изначально был *из мира превращений*. Творческий человек – то заливается соловьем, то шипит змеем. Щедрый, добродушный – а грязный. Внутри грязный.

Андрею пришлось однажды услышать такой разговор отца с дядей, что у него случился ночью припадок, с рвотой, с истерикой. Дядька тогда пошел в гору, стал много выступать, а песня «Моя пушинка», сочиненная в шутку за час, неожиданно стала всенародным хитом. Народ – это море загадок.

Дыша духами и туманами, то есть испарениями трехдневного запоя, дядька заявился тогда к отцу попить-пожаловаться. Андрей проснулся среди ночи. Дядька громко говорил, поневоле было слышно. Отец просил тише, тише. Разговор был стыдный, срамной. Разговор шел о какой-то бабе, суке, профурсетке, которая родила от дядьки вне брака дочь, девке год, он ни разу не видел и не собирается, и теперь сука-баба подает в суд на установление отцовства. В стационарной семье, где двое душ законных киндер-сюрпризов, по этому вопросу идет гражданская война и девятый вал.

– Ты, мил-друг, не крошечка у нас, – увещевал отец. – Под сорок уже малышу, так. Пора бы заметить, что от этого дети бывают.

– От чего от этого?

– Привет. Ты с ней спал?

– Да вот еще! Она б..., понятно? Дешевая грязная б...

– То есть она врет? Денег хочет? Так что ты волнуешься, раз ты с ней не спал, то генетическая экспертиза покажет, что не от тебя ребенок.

– Да вот в том-то и кошмар, что покажет. Понимаешь...

И дядька-Валерка сказал. Это потом уже, с годами, Андрей приноровился, приобвык к общему сраму, а тогда вмиг налился душным жаром.

– Как я мог это контролировать, интересно? Я в жопень пьяный был.

– Господи, – послышался растерянный голос отца. – Как же она, все-таки женщина, могла на такое пойти?

– Она говорит – любит! Это у ней любовь! Понятно, что за любовь. Бабок срубить со звезды, я ж звезда теперь.

– Ты панкреатит хоть подлечи, моя пушинка, а то загнешься через пару лет. Н у, я выхода не вижу. Придется платить это... отступное.

– Да жалко знаешь как! Я только чуток вот взлетел, и все. Теперь лабать пушинку по северам...

Дядька-Валерка, однако же, не загнулся через два года, а свинтил в Америку, из которой потом пришлось возвращаться к родной кормушке. Заплатил он или нет коварной бабе, Андрей так и не узнал, но запомнил, что где-то, значит, бродит его неопознанная сестра, неведомая кузина Времина, по счастью, не знающая о позоре своего зачатия.

.....
Нина Родинка рассказывает:

– Встречаются двое мужчин, один говорит другому: «Поздравь меня, я стал импотентом». – «Ой, какое несчастье...» – «Да ты что! Гора с плеч!!»

Вот и у меня – гора с плеч. Все свои женские дела я завершила, даже дочку замуж выдала. Живу теперь в своем теле, как в отлично устроенном большом доме, и думаю: как хлопотно я жила раньше, когда ценность своего дома я измеряла с помощью тех, кто желал в этот дом зайти или даже приобрести его, причем даром. А теперь я сама себе хозяйка. Мне плевать, нравится мой дом прохожим или нет. Идите себе! Я здесь живу!

Какое это наслаждение – передвигать собственные ноги, целых две ноги, и в них еще нет никакого подвоха, только чуть-чуть, иногда ноют коленки. Так на то есть дивные бальзамы ОООНПО «Народное здоровье». Г. Кириллов, ул. Пионерская.

А глаза! Всего минус один в правом и целых ноль пять в левом! Ерундовый астигматизм не в счет. Я читаю часами, я вижу вдаль и вблизи, я нахожу в лесном подшерстке крошечные грибки размером в полмизинца.

Мой желудок, трудяга, умница, переваривает любую пищу. Да, есть диабет, ну так что, диабет диабету рознь. У меня легкая, неинсулинозависимая форма, я принимаю понижающие сахар таблетки и горюшка не знаю.

А чудо из чудес, головной мозг, – я въявь ощущаю, как мгновенно передаются по его незримым каналам таинственные импульсы. Слово, которое я хочу вспомнить, вдруг появляется в голове через минуту, точно вот исправный библиотечный работник добежал в хранилище и принес ответ на запрос...

Мне стыдно за то, как ужасно я относилась к своему телу раньше. Я не понимала, я мучила эту чудесную машину (а тело – это дом и машина одновременно). Саморазвивающаяся, самоналаживающаяся программа! Как прав обыватель, из-под громад всех идеологий и религий глухо бубнящий, что главное – здоровье.

Я сама – обыватель. Но необыкновенный. Я стала им, изжив в себе чудовищный романтизм, свалившись с высокомерной горы пакостного презрения к обывателю.

Теперь я – идейный вождь обывателя, его дух, его бог. Его разум!

.....

А в то время, когда наш герой, полный грез, накрывал на стол, эффектно сочетая зеленые кисти винограда с черными, пересыпая их физалисом и красной смородиной, когда он с трепетом ждал свою прекрасную змею, собираясь сделать ей предложение, от которого так легко отказаться, к России со стороны западных границ неотвратимо, как циклон, приближалась сама Катаржина Грыбска. Она же Екатерина Грибова от рождения, она же Карантина по прозванию – довольно известная шестнадцать лет тому назад в обеих столицах шлюха.

Катаржина купила дешевый аэрофлотовский билет и предвидя мучения (ни хера выпить не дадут) – мучения, долженствующие, видимо, по мнению «Аэрофлота», подготовить человека к встрече с Россией, – в хорошем темпе наливалась капитанским ромом, доставаемым каждый раз из серебристой виниловой сумки.

Все сияло, звенело, переливалось и прыгало на госпоже Катаржине! Несомненно, существовали тайные пружины, соединявшие круглые ягодицы, обтянутые джинсами с вышитыми именно на жопке белыми лилиями, и высокие титьки, совершенно не таившиеся под золотистым топиком, и когда виляли одни, неумолимо и в такт начинали раскачиваться другие. Кожаная куртка тигровой расцветки была наброшена на одно плечо. Желтые волосы стягивала в хвост фантастических размеров розовая заколка с белыми и красными стекляшками. И это еще не все, вы что. Еще на Катаржине висело ожерелье из золотых сердечек, сердечки красовались и в ушках, а на пальцах были два кольца с самыми настоящими брюликами.

Катаржина имела росточку от природы метр восемьдесят два, а потому идея надеть в путешествие серебристые босоножки на платформе и с каблуком девять сантиметров оказалась удачной. На нее невольно – правда, без четкого выражения лица – оглядывалось ко всему привыкшее космополитическое население аэропорта Шарль-де-Голль.

Накрашенные синей тушью и обведенные синей подводкой и голубыми перламутровыми тенями карие глаза Катаржины оживленно блестели, а большой розовый рот она старательно закрепила в полуулыбке.

«У меня все в шоколаде!» – такую команду дала себе, направляясь в аэропорт, Катаржина, потому что никакого шоколада в ее жизни не предвиделось.

Ах, как уязвима, как беззащитна была госпожа Грыбска! Ведь при ней не было главного аксессуара шоколадной женщины. При ней не семенил, не плелся, не шкандыбал никакой мужичонка, даже самый ледащий и заваливающийся. И перед этим ужасным, роковым фактом меркли все брюлики, все тигровые куртки и все серебряные босоножки на свете.

Такая дрянь, безделица, сбоку припёка – мужичонка. А вот без него никакой картины торжества, никакой! Что ни нацепи, как ни упакуйся!

Какой это был дорогой аксессуар – он нигде не продавался в открытую. Женщины продавались повсеместно, мужчины как мужья в продажу не поступали, а те, что все-таки поступали, стоили столько, сколько Катаржина, раздвинув ноги и разинув рот, не заработала бы и за сорок лет. А ей и было сорок лет.

Она в тайном бешенстве, все так же полуулыбаясь, злобно разглядывала супружеские пары. Вот уроды! Особенно ее выводили из себя толстопузые тетки, при которых с какой-то неумолимой обязательностью мужичонки были. Краем глаза эти усатые-полосатые поглядывали на Катаржину. Один даже многозначительно кашлянул и стрельнул гульливим глазом, когда его мадам в безразмерном сарафане цвета хаки пошла отлить в клозет. Знаем мы эти кашли и эти глазки!

Конечно, несчастная ошибалась. Одиноких женщин было предостаточно на всем белом свете, было их достаточно и в аэропорту Шарль-де-Голль. Но с жестокой аберрацией зрения, свойственной обойденным людям, Катаржина всюду видела замужних, как голодный видел бы еду.

«Lundi, mardi, merdedi... – считала она дни недели, – вот именно, что сегодня у нас merdedi...»¹

Вырядилась, тварь! – услышала она внутри себя голос мамы и ответила внутренним жалобным голосом – да, вырядилась... от аэропорта до аэропорта. Пять дней в неделю

---

¹ Катаржина считает дни недели по-французски и называет среду – mercredi, день Меркурия – merdedi, то есть «день дерьма».

Катаржина убирала в г. Париже чужие квартиры, так что серебряные босоножки и золотые сердечки терпеливо ждали хозяйку в шкафу до субботы, когда можно было наконец прошвырнуться. А приземлившись в г. Санкт-Петербурге и наняв такси до Балтийского вокзала, в оном такси и планировала Катаржина частичный, но глубокий ребрендинг. В сумке лежал, впрок заготовленный, «прикид для мамы» – черный свитерок, черные плоские тапочки, черная заколка для волос.

А без вариантов. Иначе к дочери не подпустит. Ника, Никуша...

У Катаржины была в России дочь, ее звали Вероника, ей исполнялось через неделю шестнадцать лет, они не виделись три года.